

«Это мои последние слова...»

Письма жертв Холокоста

Учебное пособие

6
Милый Гриша!

Я пишу тебе это письмо в момент
когда мне нужно расстаться с моей един-
ственной радостью (нашим сыном) Я
пошла на такой шаг потому что хочу
сохранить хоть его жизнь, моя жизнь
прожита и сейчас придется каждую
минуту ждать смерти, но она мне не
страшна, потому что я умираю с
сознанием того, что может быть ты
вернешся застанешь нашего сына и
вдвоем выполните меня когда нибудь.
Левочку я оставляю у русских Крезо
они мне дали слово, что воспитают
его как своего сына.

Ваша вернейшая прощуха по достой-
ному отблагодарить их, а также
хорошо воспитать сына

Лиза

март 1943 г.

7
Наденюха?

Моего мужа фамилия Рудерман Григо-
рий Леонович 1913 года рождения. Работал
последнее время в з. Вишайка начальником
Областного транспортного отдела. Во время
войны был назначен ст. конструктором в
летную часть.

В Ленинке жили по Интернациональной
улице д. №25 кв 4.

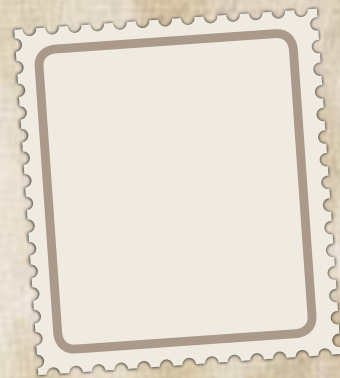
Моя фамилия Мерзон Лея Самуиловна
После войны найдите мужа и передайте
эту мое письмо и фотокартонку

Лиза

март 1943 г.

Я пишу тебе это письмо в момент, когда мне нужно расстаться с моей единственной радостью (нашим сыном). Я пошла на такой шаг, потому что хочу сохранить хоть его жизнь, моя жизнь прожита и сейчас приходится каждую минуту ждать смерти, но она мне не страшна, потому что я умираю с сознанием того, что, может быть, ты вернешься, застанешь нашего сына, и вдвоем вспомните меня когда-нибудь. Левочку я оставляю у русских Крезю, они мне дали слово, что воспитают его как своего сына. Если вернешься, прошу тебя по достойному отблагодарить их, а также хорошо воспитать сына.
 Лиза
 Март 1943 г.

Наденька!
 Моего мужа фамилия Рудерман Григорий Хонович, 1913 года рождения. Работал в последнее время в г. Вилейка начальником Областного транспортного отдела. Во время войны был назначен старшим политруком в летнюю часть. В Минске жили по Интернациональной улице д. N 25 кв. 4.
 Моя фамилия Мерсон Лея Самуйловна. После войны найдете мужа и передадите ему мое письмо и фотокарточку.
 Лиза
 Март 1943 г.

В марте 1943 года Лея Рудерман привела в дом Анны и Надежды Крезю маленького Ленью. Она горько плакала, расставаясь с сыном. Перед уходом обратно в гетто Лея оставила прощальное письмо мужу, находящемуся на фронте, и свою фотографию. В марте 1943-го Лея Рудерман была убита в очередном погроме. Отец Лени погиб на фронте. Мальчик остался у Крезю, и в 1945 году Анна Николаевна стала его официальным опекуном, сохранив при этом настоящую фамилию и имя ребенка.
29 марта 2000 года Яд Вашем удостоил Анну Крезю и ее дочь Надежду Соловьеву почетного звания Праведник народов мира.

15. September 1941

(3)

Mama haben Kinder!
Jungst geübter Heiltschick!

In Verhinderung ist es leider gekommen dass
sich haben ist und Mama und metheloffen,
faktig es in der das Rechtshilfe liegt, sehr sein
nicht mehr in der Lage kommen zu können
dies vornehmlich zu prüfen, auf welchem Wege
Wohlfahrt zu erreichen. Mir habe ich in einem
besprechenden schon gesehen und schiffen nicht
mehr der weite Weg bringt. Sonst meine
bride Heiltschick hier ist es nicht, sehr ist das
in der Stadt 2. Teil bei Thats. Witten.
Ich schon und dem. Theluck, sowie bei
Hans haben Edel und bei Tante Thomas
Schweigebach bei (1000 Frau) gemietet gelassen
haben. Ein kleiner Platz in der oberen Lagerstraße
beim Bad ist auf meine Namenstand in der
Länderbank 4. 4.

Ich danke Ihnen für den Jungst und den
selben Geld wo es noch in unserer Mitte
weiltschick. Mama Jungst geübter Heiltschick
Die wart immer ein gutes Kind immer
bleibe. Gott habe es von uns nicht viel
gehabt. Das ist gut, wir sind bei uns
prüfen selbst bei dem hohen Abgang.
Ich danke immer, sehr Mama und
und Kind das Jungst auf haben in der

Г-же Хильде Спиро
Сидней, Австралия
От Анни Шадо, Вена, Веленштайн штрассе 22
15 сентября 1941 года

Хильдуш, любимая всем сердцем!

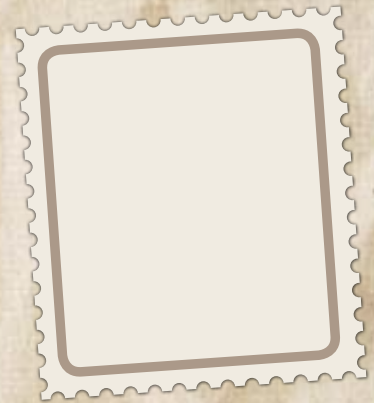
С предусмотрительностью, которая, возможно, окажется чрезмерной, мы с мамой решили, будь на то воля Всевышнего, если нам не доведется снова вас увидеть, попрощаться с вами в этом письме. Мы живем в самое бурное из всех времен и не знаем, что несет нам день грядущий. Посему, дорогая моя Хильда, сообщаю тебе, что я оставил наше имущество у мамы Гретель [...] Малый остаток наших сбережений находится на счету в банке [...]. С тяжелым сердцем я думаю о тех временах, когда ты еще была с нами. Дорогая моя Хильда, ты всегда была хорошей девочкой по отношению к своим родителям. Да вознаградит тебя за это Всевышний и даст тебе счастье. Любите друг друга, как вы видели на нашем примере, до последнего вздоха.

Помните всегда, что связь между мужем, женой и ребенком — это самая глубокая связь на свете. Да будет воля Всевышнего, чтобы нам довелось вновь увидаться.

Благословляю тебя, целую и горячо обнимаю.

Твой любящий папа,

Фридрих

К сожалению, мы не располагаем информацией о семье Фридриха. Предположительно, семья проживала в Вене, в Австрии. Большинство евреев Вены были депортированы и убиты во время Холокоста.

Любимая моя Стефани, прости меня, вспоминай обо мне с любовью. У меня не было выбора.

Жизнь моя была красивой до конца, благодаря твоей любви и дружбе тех, кто окружал меня заботой. Я благодарю вас, каждого в отдельности, за вашу поддержку в эти дни душевных страданий. Я надеюсь умереть с миром и с надеждой на милосердие и любовь. Будьте сильными. Возможно, когда-то справедливость и человечность вновь возродятся. Поддерживайте друг друга. Я становлюсь сонной. Пульс мой слабеет. Я счастлива, я засыпаю.

Моя жизнь завершена, она была прекрасна. Во мне нет горечи.

Последнее письмо, написанное Анной Трауман ее подруге Стефани Плисаер. 22 августа 1942 года Анне Трауман предстояла депортация на восток из Гейдельберга (Германия). Зная, что ослабленное здоровье не позволит ей пережить тяжести дороги, Анна решила покончить с собой, приняв смертельную дозу лекарств, которые достала для нее подруга-врач.

Находясь на пороге между жизнью и смертью, будучи уверенной, что мне не выжить, я хочу попрощаться с моими друзьями и моими работами.

[...] Я лишь хочу, чтобы осталась память обо мне и о моей маленькой дочурке, талантливой девочке Маргалит Лихтенштейн [...]

Мои работы я завещаю еврейскому музею, который будет создан в будущем, чтобы возродить к жизни еврейское искусство, существовавшее до войны, до 1939 года и до страшной катастрофы еврейской общины Польши [...].

Сейчас я спокойна. Мне суждено умереть, но то, что было возложено на меня, я выполнила.

Я пытаюсь сохранить память о моих работах.

Мир вам, друзья мои; мир тебе, еврейский народ – не допускайте, чтобы такое страшное разрушение повторилось.

Гела Зекштейн

Художница Гела Зекштейн (1907-1943), супруга Исраэля Лихтенштейна, одного из активистов архива «Онег Шабат» в Варшавском гетто, преподавала в школе, подпольно действовавшей в Варшавском гетто на улице Новолипки д. 68. Картины и рисунки Гелы, около 300 произведений искусства, вместе с ее завещанием, были спрятаны вместе с прочими материалами архива «Онег Шабат». Среди работ — автопортрет художницы, видимо, являющийся ее последней картиной. Гела погибла во время восстания в Варшавском гетто.

Военная тюрьма С.М.С.
21 февраля 1942 г.

Дорогие мои,

Я проживаю последние моменты жизни — недолгой, но бурной. Вы сделали для меня все; я же причинил вам множество огорчений, и пиком стала эта трагедия. Перед смертью я сожалею лишь об одном — что не дожил до дня, когда и я мог бы быть вам полезен, и неуклонно верю, что настоящий друг познается в беде. Если кто-то сочтет мою смерть геройским поступком — скажу вам так: мы не нуждаемся в героях [...] Меня утешает то, что вы позаботитесь о родителях. Помогите им!

Это мой последний крик. Послушайте, это последние слова идущего на смерть! [...] Продайте все, что только можете, и пошлите деньги родителям домой, а если получится — заберите родителей к себе. [...]

Мое письмо — ко всем: двоюродным братьям и сестрам, бабушкам и дедушкам и т.д.

Дорогие родители и сестра!

Надежда! Храбрость сердца! Храбрость сердца!

И снова храбрость сердца! Это мои единственные слова, и этим все сказано. [...]

Всем здоровья и... долгой жизни.

(Адольф) Михаэлович

Во время Второй мировой войны Румыния была союзницей нацистской Германии. Адольф Михаэлович состоял в антифашистском подполье в Румынии, он был арестован, заключен в военную тюрьму в Бухаресте и затем казнен. Министерством обороны Израиля ему присвоена награда «Борец с нацизмом».

Дорогой Отто!

Мы все в спальне, мама и обе твои сестры. Крики, плач. Я пишу это письмо со слезами на глазах. Я надеюсь, что, даже если мы погибнем, тебе удастся остаться в живых. Конечно, будет новый мир, и ты будешь жить счастливо. Забудь, что мы когда-то жили. Да удержит Всевышний над тобою свою десницу на пути к счастью, пути, с которого нам суждено сойти. [...]

Мой дорогой сын, у меня есть одна просьба, от моего имени и от имени твоей мамы и сестер: никогда не забывай, что ты родился евреем. Просим тебя, чтобы ты оставался евреем и чтобы через 100 лет ты умер евреем. Если с помощью Всевышнего ты женишься, бери в жены только еврейскую девушку!

В венгерском городе Сигете проживало около 13 000 евреев. В апреле 1944 г. евреи Сигета были согнаны в гетто. Среди узников гетто была семья Герштик. Движимые ощущением приближающегося конца и смертельной опасности, члены семьи написали прощальное письмо сыну Отто, угнанному на принудительные работы. Письмо они оставили у знакомой женщины по имени Илана в надежде, что Отто благополучно вернется в Сигет и получит его. Вся семья была депортирована в Аушвиц (Освенцим). Отец семейства, Мешулам Герштик, был убит в лагере. После войны Отто, его мать Этель и сестры Рахель и Алис воссоединились в Сигете.

28 февраля 1943 года, воскресенье

Сегодня я хочу написать несколько слов — слова, которые нужно оставить в наследство тем, кто выживет — но как их написать, с чего начать. [...]

Жить, жить, как жить, зачем жить? «Нужно забыть!» — говорят вновь прибывшие. Забыть, кто мы, забыть, как вырвали у нас из рук отцов, матерей, маленьких братишек и сестреноч, отправили их на смерть, а мы все еще живы, смогли дожить до этого дня, мы поем, мы существуем, у нас еще не пропало чувство юмора. Поистине, нужно забыть все, что было нам дорого, забыть родителей, забыть родной дом, забыть тихие и светлые минуты жизни. Тогда почему же, мама, почему ты прокричала нам у окна в транзитном лагере:

«Девочки, не забываете, не забываете!»

Что ты хотела нам сказать, что именно пыталась выразить?

Почему твоими прощальными словами не был призыв:

«Забудьте, забудьте нас, забудьте всех, все забудьте!»?

Разве ты не знала, что память станет нашим проклятием?

Фела Шепс, уроженка польского города Домброва Гурнича, до войны училась на факультете психологии и философии Варшавского университета. После захвата Польши Германией была депортирована в трудовой лагерь Гринберг, где вела дневник, что помогало ей сохранять присутствие духа. Чтобы побороть постоянный страх и ощущение неизвестности, Фела вместе с подругами организовывала культурные мероприятия в лагере. Фела Шепс пережила войну и марши смерти, но погибла на следующий день после освобождения.

Помните только,
что я был ни в чем не повинен,
и что так же, как и у вас,
смертных, живущих сегодня,
у меня было лицо,
умевшее выражать и гнев,
и радость, и сострадание —
просто лицо человека!

Поэт Бенжамен (Беньямин) Фондан родился в городе Яссы, в Румынии. В 1923 году семья Беньямина переехала в Париж. Во время немецкой оккупации, несмотря на частые жестокие нападения и резкое ограничение евреев в правах, Беньямин решил не покидать город. В 1944 году он был задержан и выслан в лагерь для интернированных Дранси, а оттуда — в лагерь смерти Аушвиц-Биркенау. Беньямин был среди узников, отправленных на смерть незадолго до ликвидации и освобождения лагеря.

HERSKOVETS

LEAVIS

18-5-44

MONACO

VIA DRANCY - PARIS

KAUNAS

OLB

VE 191 MICH - NY - URM

MAY 19 44 300

LEAVIS - FRANCALS

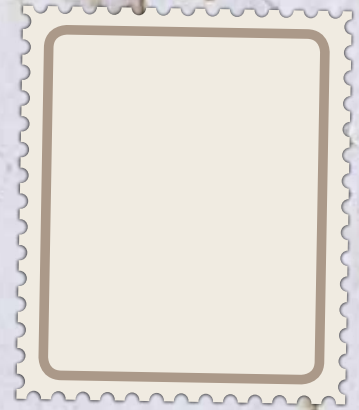
18 - V 44

BUDJEMIL

18.5.44

На стенах Каунасского Девятого форта были обнаружены надписи, содержащие частичный список имен депортированных, а также дату («май 1944 г., 900 еврейских мужчин из Франции»).

Монако - Дранси - Париж - Каунас

15 мая 1944 г. из лагеря для интернированных Дранси во Франции вышел «Транспорт № 73», в котором находились 878 еврейских мужчин.

Они направлялись на принудительные работы в компании Тодт (Todt), штат которой состоял из узников концентрационных лагерей и военнопленных. В конце концов, поезд прибыл в Ковно (Каунас), Литва. Узников разделили на две группы, одна из которых осталась в Ковно, а другая была выслана в Ревель (ныне Таллин, Эстония). Из 878 еврейских мужчин выжило только 22.

Леско, 6.9.1942

Любимые дети!

[...] Сегодня здесь, как мне кажется, хуже, чем во время разрушения Иерусалима. Поэтому, дорогие мои дети, насколько видят наши глаза, мне кажется, что я пишу вам сейчас прощальное письмо и расстанусь с вами и с этим миром, ибо таким как я не на что рассчитывать. Однако в нашей Торе написано: «Даже если острый меч приставлен к твоему горлу, не отчаивайся...». Еще может Всевышний, благословен Он, помочь мне и всему народу Израиля [...] Судя по тому, что мы видим, это было суждено нам Небесами, и если это веление Небес — каждый еврей обязан с любовью принять свой приговор и идти с сознанием того, что его приносят в жертву, и что в этом будет искупление грехов для него и для всего народа Израиля.

Если таково желание Творца — иначе быть не может.

Но вы, дети, оставайтесь в вере и уповании.

Всевышний, благословен Он, непременно поможет. [...]

Не теряйте головы от горя, ибо это предначертано свыше,

и я только прошу, чтобы вас, детей, уберег Всевышний,

благословен Он, от всех напастей, и оставил вас в живых. [...]

Будьте здоровыми и сильными. Я благословляю и целую вас.

Письмо мое сохраните, чтобы когда-нибудь вспомнить, что был у вас отец в этом мире.

Желаю вам хорошей записи в Книге жизни, доброго и благословенного года.

Ваш отец,

Йосеф

Прощальное письмо Йосефа (фамилия неизвестна). Немцы захватили город Леско в июне 1941 г. в ходе операции «Барбаросса». Еврейская община Леско существовала с XVI века. Евреи Леско и близлежащих местечек были согнаны в гетто, которое было ликвидировано 14 августа 1942 г. Евреи, пережившие ликвидацию гетто, были убиты в последующие месяцы.

10/6 7119

Můj, mej drahy!

Prošel jsem ovšem mnoho
zima, ale s těm jsem
sice bral, ale bral. Vzpomínám na
krasný ráno, když jsem byl v
konec. Byl se nejistým státním
světla a z ruce byl za svou
můj svět oblohu. A vše mály
otk, při tom tak samot, samot
musí stoupat svůj tráhy svět!

Vzpomínám na své své
slyšel jsem se jít, jsem s
trá, tím brát je všem, mají mi
samotnou stran, bratr a bratr,
kani i lydi a všad vše samot
a samot. Byl jsem šťastný svět,
jako byl nás. Ať státně
nase probírá a jomti všem
mých chabý.

Těbe svůj chabý svět
Byl oběť, bratr a bratr a cel
prode. Čistě tím se jím, státním
neoblemným bratrům. Bratr, sám
vzpomínám, za svou samotou a
a, až do posledního světa. Vím, jsem
maradonou, prošel jsem
Lucian bratr můj. Lékař

... a posled...
... a tři, mály, otě...
... a Polom

30/6/1944

Дорогой мой, в последнюю ночь моей жизни я прощаюсь с тобой. Дни нашего счастья были недолгими, но прекрасными. В этот час я вспоминаю нашу любовь — от ее прекрасного начала до жестокого конца. Ты был счастьем моей жизни, и я с радостью пожертвовала бы ею, чтобы спасти тебя.

А наш маленький Отто, ни в чем не повинный, почему было суждено, чтобы грубая и жестокая рука положила конец его недолгой жизни?

В последний раз я вспоминаю тех, кто мне дорог. Если тебе посчастливится вновь их увидеть, передай: я в последний раз целую моих любимых сестру и брата, Ольгу, Макса и Лиди, и особенно, от всего сердца — Дани и Лианку.

Я желаю всем им более счастливой жизни, чем наша.

Геройски сражайтесь за нашу свободу и отомстите за чистую кровь наших любимых.

Тебя, мой любимый, я благодарю всем сердцем за преданность, за твою любовь и за счастье, которое ты мне подарил.

Оставайся таким, какой ты есть — герой без страха и упрека, никогда не сдающийся. До последнего вдоха я буду думать о тебе и молиться за твою удачу. Мое последнее благословение тебе, друг мой. Мир тебе, возлюбленный души моей!

В последний раз целуем тебя,
Элли и твой малыш Отто!

Шалом,

Аушвиц-Биркенау

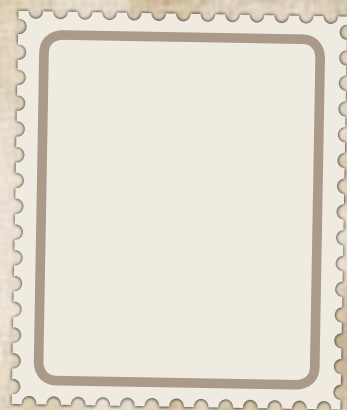
Элли Кулка (1904-1945) и ее муж Эрих жили в Чехословакии. У них был сын Отто. В 1939 году, во время немецкой оккупации, Эрих был арестован гестапо и затем отправлен в Аушвиц-Биркенау. В сентябре 1942-го Элли и Отто были депортированы в гетто Терезин, а оттуда, в сентябре 1943 года, в «Семейный лагерь» в Аушвиц-Биркенау. Элли Кулка умерла в концлагере Штуттоф. Эрих и Отто воссоединились после войны.

Господи, это время слишком тяжелое для таких ранимых людей, как я. Я знаю, что еще придут иные, человеческие времена. Я так хочу остаться в живых, чтобы подарить другим все человеческие чувства, еще сохранившиеся у меня вопреки всему тому, что я ежедневно переживаю.

И нет у нас другого способа подготовиться к этим новым временам, кроме как в сердце.

И где-то там, в глубине моей души, есть и свет, и сила, и любовь, не оставляющие места горечи. Я так хочу остаться в живых, внести свой вклад в создание этих новых времен, вложить скрытую во мне силу, — ибо у меня нет сомнения, что эти новые времена придут, — я чувствую, как они растут во мне изо дня в день.

Из дневника Эти (Эстер) Хиллесум (1914–1943).

Эти Хиллесум родилась в Мидделбурге, в Голландии. Ее отец работал директором школы.

В 1932 г. Эти переехала в Амстердам и поступила в университет, где изучала юриспруденцию, психологию и славянские языки.

После оккупации Голландии осталась в Амстердаме и подробно описывала происходящее с ней в личном дневнике. Эти была схвачена нацистами и выслана в Аушвиц (Освенцим), где была убита 30 ноября 1943 года.

Добрый человек! Если ты нашел этот листок, знай: написала его девочка, отправляемая немцами на смерть. Если есть в тебе благое намерение, человек, передай эту записку моей маме — она работает на меховой фабрике компании «Тобенс» на улице Лешно, в Варшаве.

Любимая мамочка,

В этот момент я нахожусь в поезде. Я не знаю точно, куда мы едем, но догадываюсь, что нас везут на смерть.

Не расстраивайся, я ни капельки не боюсь. А так как я старшая, я объясняю младшим, что все равно ведь рано или поздно все люди умирают. И что на самом деле это не так уж ужасно.

Просто мы умрем раньше. Здесь, на земле, все равно есть немцы, жизнь так невыносима — а там, на небе, среди ангелов, немцев уж точно нет. Если так, нам лучше избавиться от немцев поскорее. Дети, едущие со мной в вагоне, даже не плачут.

Еду, которую нам выдали на завтрак, я поделила поровну между всеми. Малыш Янчик очень расстраивается, что забыл взять пальто.

Мамочка, я вдруг вспомнила, что не поцеловала тебя сегодня с пожеланием доброго дня и доброй ночи. Я больше уже не смогу тебя поцеловать. Больше не буду писать, потому что листок кончается. Будь здорова, мамочка, и не плачь обо мне. Записку я скрепила заколкой для волос, мне кажется, так будет лучше.

Записку нашел на рельсах обходчик железнодорожных путей. Его так глубоко тронуло последнее письмо девочки, что он решил любой ценой передать его ее маме. Вход на территорию гетто был ему запрещен, но он не оставлял усилий, пока не смог найти польского полицейского, который взялся передать записку в гетто.

Handwritten text in a cursive script, likely a signature or name, possibly starting with 'M. S. ...'.

Handwritten text in a cursive script, appearing to be a list or series of entries, possibly including names and dates. The text is written in a fluid, connected style.

Дорогие мои!

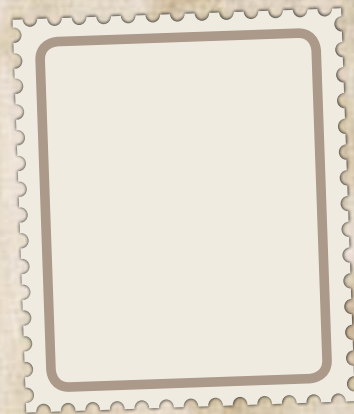
Перед смертью пишу вам несколько слов.

Мы скоро погибнем — пять тысяч
невинных людей.

Они безжалостно расстреливают нас.

Целую всех вас,

Мира

Записка Миры, написанная на идише карандашом, была найдена в октябре 1944-го во время перезахоронения тел убитых евреев недалеко от города Обеляй. Так как записка была найдена на теле женщины, у нас нет возможности что-либо узнать о Мире.

До войны еврейское население города Обеляй насчитывало около 300 семей. В августе 1942 г. нацистами были убиты 1160 евреев из Обеляя и окрестных местечек.

Вильямполе, Каунасское гетто
19 октября 1943 г.

Любимые мои сын и дочь!

Эти строки я пишу вам, любимые мои дети, в то время, когда мы уже провели здесь, «в долине слез», [...] более двух лет. Нам стало известно, что в ближайшие дни решится наша судьба: гетто, в котором мы находимся, будет изрезано и изорвано в клочья. Все ли мы погибнем, или останется от нас малость — ответ знает лишь Всевышний. Опасаемся, что в живых останутся лишь рабы, способные работать, а всем остальным, очевидно, суждено умереть.

Нас осталось очень мало: из тридцати пяти тысяч евреев, жителей Ковно, сейчас здесь находятся только 17000, а от четверти миллиона евреев Литвы осталось менее двадцати пяти тысяч здесь, в границах Литвы, а еще пять тысяч на днях были увезены, голые и босые, на тяжелые работы в Латвию. Остальных расстреляли и замучили тяжелыми пытками приспешники самого ужасного Амана всех времен и поколений. [...]

С самого дня создания гетто я стою во главе его [...] В душевном содрогании, тревоге и страхе за судьбы остатка выживших ведем мы наше истерзанное судно в открытом море, и каждый день волны бедствий и тяжких кар грозят поглотить его.

Эльханан Элькес

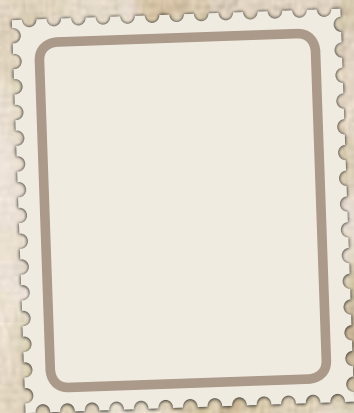

Эльханан Элькес (1879-1944) — врач, председатель альтстенрата (совета старейшин) гетто Ковно (Каунас, Литва). Родился в еврейском местечке, получил традиционное еврейское образование. Учился в Ковно и закончил медицинский факультет. Во время Первой мировой войны служил офицером медицинской части в армии Российской Империи. В 1920-е годы заведовал отделением в еврейской больнице Ковно. Придерживался сионистских взглядов. 19 октября 1943 года написал детям, находившимся в Англии, письмо на иврите. Умер в концлагере в 1944 году.

Авраам Тори. Каунасское гетто — день за днем: дневник и документы из Каунасского гетто. Израиль. Институт им. Бялика в сотрудничестве с Институтом изучения диаспоры, Факультет Иудаики, Тель-Авивский Университет, 1988, с. 604-608

Здравствуйте, друзья мои!
Привет вам с линии фронта.
Появилось немного свободного времени,
и вот я пишу вам.
Мы наступаем, гоним немцев, горит
вражеская земля, мы мстим! Мы побеждаем!
Гордо шагаем мы вперед.
Бессонница, приподнятое настроение.
Сейчас мне хорошо — я участвую
в истреблении врага.
Перец

Из письма Переца Левина
с фронта. Перец Левин, боец
Красной Армии, погиб
в Восточной Пруссии
8 февраля 1945 года.

Цви Бахрах. Это мои последние слова. Израиль,
Иерусалим, Яд Вашем, 2002, с. 223

9 октября 1941 г.

Дорогая моя Клара!

Вчера я отправила тебе открытку, если ты ее получишь — она огорчит тебя... Сейчас я пишу тебе благодаря милосердию этого доброго господина и прошу тебя не рассказывать маме правду, потому что она ужасна, и я не хочу, чтобы это плохо сказалось на ее здоровье, и без того подорванном.

Дорогая сестричка, вот уже несколько дней как нависла над нашими головами страшная угроза. Нас отправляют пешком в Украину («на поселение»... так нам говорят). Ты можешь представить себе наше состояние, когда нужно идти такое расстояние пешком, в такой холод, с маленьким ребенком и только с теми вещами, которые можно унести в руках — то есть только с едой в дорогу.

[...]

Дорогая моя, я прошу тебя позаботиться о маме, ибо только ты у нее и осталась. Никогда не делай ей того, что сделали мы: никогда с ней не расставайся! Как я завидую тебе, какое это счастье — быть рядом с ней. Ты помнишь, что я обвиняла тебя в трусости, что ты недостаточно активна, что нужно пытаться бороться, чтобы существовать. Я не жалею ни о чем, такова жизнь человеческая. Единственное, о чем я сожалею — это то, что глаза мои больше никогда вас не увидят. Я очень страдаю. Жила во мне надежда, что мы еще увидимся, но теперь я потеряла все. Один разочек, если бы только я могла еще разочек вас увидеть — а потом пусть даже и произойдет самое худшее.

[...]

Всегда ваша, думаю о вас,

Ида

P.S. Дорогая моя Клара, вот уже второй день, как начало нашего марша откладывается на 24 часа. Так что есть надежда на наше спасение. Поэтому не мучай себя тем, что я написала.

Из последнего письма, написанного Идой Голдиш ее старшей сестре Кларе. Ида Голдиш была депортирована вместе с маленьким сыном Вилли и младшей сестрой Добой из Кишиневского гетто в Транснистрию в октябре 1941 года. В начале 1942 года в сильные морозы мальчик замерз насмерть, Ида умерла через несколько дней. Иде было 24 года, а Вилли всего три. Иде удалось переправить это письмо из гетто через нееврейского связного, который работал с Добой в пекарне. Письмо было передано Кларе, которая осталась в Румынии. Клара и Доба выжили.

וַיִּבְרָךְ אֶת יִצְחָק בֶּן־בְּנֵי.

AND BOUND ISAAC HIS SON

ABRAHAM ET ISAAC I-22-9.

Кароль Дойч (1894-1944)
**«Связав своего сына Ицхака,
 он положил его поверх дров
 на жертвенник»** (Берешит 22:9)

Антверпен, 1941-1942

Гуашь, акварель, чернила, мел, бумага
 70.2 * 52.2 см

Собрание Художественного музея

Яд Вашем, Иерусалим

Дар-завещание Ингрид Хенрикс Абрамс,
 дочери художника, Чикаго, США

Кароль Дойч родился в Антверпене, в Бельгии. В период немецкой оккупации семья Дойч жила в Брюсселе по поддельным документам. В 1941-1942 годах Кароль создал серию из 99 картин - иллюстраций к Ветхому Завету. Художник хранил их в деревянном футляре. Картины должны были стать подарком на день рождения его двухлетней дочери Ингрид. В ночь с 3 на 4 сентября 1943 года Кароля с женой арестовали и депортировали в Аушвиц. Оба они не выжили.

Когда в 1945 году Ингрид с бабушкой вернулись в Антверпен, они обнаружили футляр с картинами.

Дорогие мои родные!!!!

Пишу это письмо перед смертью, не знаю точно день, когда я и мои родные погибнем только за то, что мы «евреи».

Все наши братья и сестры (евреи) погибли ханьбической [укр. позорной, стыдной] смертью от [неразборчиво] Я сама не знаю, кто с нашей семьи останется и кто будет иметь честь прочитать мое письмо и прочитать гордый предсмертный привет для всех моих любимых и дорогих, страдающих от руки бандита.

Дорогая Хаячка и дорогой Монуска, быть может, вы останетесь жить.

Живите богато и счастливо. Мы все идем к смерти гордо, такая наша судьба.

Как нам известно, Блюма с семьей уже погибли. Больше не могу писать.

Все родные плачут и себя оплакивают. Письмо оставляю у нашего лучшего друга, который нам много хорошего делал до сих пор.

Ваша Фаня и все родные.

Мы все лежим в одной яме. Я больше как уверена, что вы все будете знать.

Мама и папа очень плохо держатся. Рука моя очень трясется, не могу даже кончить писать. Я горда тем, что я «еврейка». И погибаю за мою нацию. Я никому не говорю, что пишу перед нашим окончанием жизни письмо. Ах! Как хочется жить и дожить немного лучшего в жизни. Все уже пропало...

Прощайте, ваша родная Фаня от имени всех: папа, мама, Сима, Зуся, Рася, Хаца (Иехезкель) и ничего не понимающая Зельда.

Друя

В концентрационном лагере, прежде чем мы все будем застрелены, в укрытии.

Вторник 4 утра

16 июня 1942 года

Прощайте всем.

На обратной стороне листа:

Бог справедлив, и суд Его справедлив. Мы согрешили. Наши скудные вещи спрятаны дома. Но жизнь нашу мы потеряли. Все кончено. Братья из всех стран, отомстите за нас. Нас ведут, как овец, на убой.

Фаня

Прощальное письмо Фани Барбаковой (1923 – 1942) сестре Хае и брату Маносу, написанное в укрытии в местечке Друя. На обратной стороне несколько слов на идише, которые, скорее всего, были написаны незадолго до того, как во время ликвидации гетто летом 1942 года их убежище было обнаружено. Все скрывавшиеся в нем были убиты. В семье Барбаковых, Зеева-Велвла и Зислы, было семеро детей, двое мальчиков и пять девочек: Хаим, Манос, Соня, Блюма, Хая, Фаня и Сима. Хая и Манос пережили войну. Брат Хаим еще до войны переехал в Аргентину.

27 августа 1943 года

Мои дорогие и любимые сестра и шурина [...],
как вы?

Дорогая сестра, сегодня я получил твою
открытку от 15 июля и с радостью прочитал
о ваших детях.

Дорогая сестра, я отвечу на твои письма.
Я бежал из Литвы, из Паневежиса. Я оставил
всех дома, мать и отца, в гетто, всех.

Мне ужасно страшно оставлять их в воровских
руках гитлеровских грабителей, и кто знает,
что с ними происходит. Азриэль здоров.

Они призвали [...] тоже. Он недалеко от меня.

Передавайте всем привет.

Будьте здоровы и сильны. Я живу в надежде,
что мы скоро отпразднуем победу над нашим
общим врагом.

Пиши почаще.

От меня, твоего преданного брата,

Тувия

[...]

Последняя открытка от Тувии Грина, которую он
отправил из России Хава-Ривке Дегани в Эрец
Израэль, куда Хава репатриировалась в 1933 году.
Семья Грин жила в Паневежисе (Литва).
Семья была достаточно обеспеченной и вела
традиционный образ жизни.
В семье было восемь детей: Борни (1903 г.р.),
Хильда (1906 г.р.), Бела (1909 г.р.), Хава-Ривка
(1913 г.р.), Мирьям (1915 г.р.), Азриэль (1916 г.р.),
Гита (1919 г.р.) и Тувия (1920 г.р.). Некоторые из
братьев и сестер уехали из Паневежиса еще перед
войной.

Тувии удалось бежать из гетто в Паневежисе
и вступить в партизанский отряд. Тувия погиб
в сражении.

Родители Тувии и сестры Гита и Мирьям, которые
оставались в Паневежисе, были убиты.

1 ноября 1944 года

Дорогая Раюсик и Инночка!!!

Как рад и счастлив был я, когда я получил от тебя письмо из нашего Киева, и ты живешь в нашей комнате, хотя у тебя там очень много переживаний есть... Но ничего ты не сделаешь.

Дорогая Раюсик, Инночка. Лично у меня пока ничего нет, нахожусь на фронте, далеко от тебя, бьём проклятых фашистов и продвигаемся вперед к его берлогу, много чего есть писать тебе, но все это не опишешь и не передашь, пожелаем только, чтоб мы были живы и здоровы и чтоб я приехал к вам живым и невредимым. Дорогая Раюсик, ты особенно не волнуйся, как можешь, следи за собой, нашей дочкой, понемногу устраивайся, а все остальное после войны все устроим. [...] Я вчера [неразб.] получил письма от п/Бевы с Свердловска и Софы с Киева, Софа мне писала, что ты приехала в Киев и живешь в своей комнате, но все благодаря нашему дорогому брату Мише, за что я ему очень благодарен и обязан. Как я вас хотел видеть, и особенно свою невиденную доченьку--- Пока заканчиваю, через пару дней напишу подробнее и вышлю справку.

Будьте здоровы.

Целую крепко-крепко

Ваш Борис

На обороте:

Всем н/родным целую и приветствую

Особенно приветствую и целую Любочку, Лилинку, Любочкиных родителей Нину Моисееву, Льва Марковича и всех,

кому пишешь, пиши от меня наилучшие пожелания и приветы.

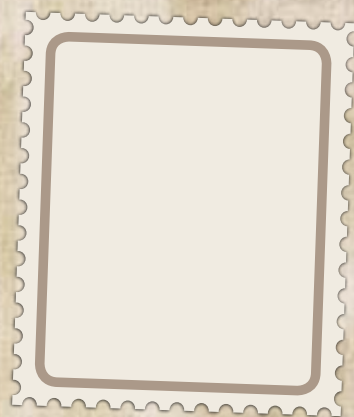

Борис (Беньямин) Табакмахер был призван в ряды Красной Армии в июне 1941 года. Его жена была эвакуирована в Узбекистан. В январе 1942 года в Андигане она родила дочь, которую назвала Инной в честь бабушки, матери Бориса. В 1944 году Рая и Инна вернулись в освобожденный Киев. Члены семьи, которые остались в Киеве, были убиты в Бабьем Яру. 7 ноября 1944 года, находясь на фронте, Борис был награжден медалью «За отвагу». 11 декабря он погиб в бою и был похоронен на территории сегодняшней Словакии.

8 июля 1943 года

Мне кажется, я могу сказать, как монах в пушкинском «Борисе Годунове»: «Еще одно, последнее сказанье, и летопись окончена моя». Я писал почти о всех событиях еврейской жизни с начала войны между Советской Россией и Германией до 1943 года. Но мне кажется, я не успею все переработать, переписать и приготовить к печати. Пусть это сделает тот, кто будет иметь мои черновики, да простит он мне неряшливость, неразборчивость и несистематичность писания. Условия работы были очень ненормальные. Ни места, ни бумаги, ни чернил. Писал в страшной тесноте, иногда в клозете, иногда в сарае, когда не было чернил, то писал карандашом, писал на колене или на подоконнике, почти никогда — за столом. Но все же хотелось писать. Что-то меня тянуло, что-то требовало от меня: «пиши, пиши»... Что не запишешь — забудешь...

Григорий (Гирш) Шур родился в Вильно (Вильнюс) в 1888 году. В сентябре 1941 года семью Шур, как и остальных евреев, переселили в гетто. Позже Григорий Шур был переведен в лагерь при меховой фабрике «Кайлис». Григорий Шур оставил тридцать девять тетрадей, в которых он фиксировал основные события, происходящие в гетто. Шур, предположительно, вел сразу несколько тетрадей, которые прятал в разных местах. Записи были вынесены из гетто литовской подпольщицей Оной Шимайте и спрятаны в тайнике под полом университетской библиотеки. Григорий Шур был убит в лагере Штутгоф.

24го февраля 1944 год.
Милая Рахилка милые деточки Максим и
Фарочка здравствуйте! С 4го сентября
1941 года в оборонительных боях
между городами Дорногола и Кисва в
районах Бегер, Горожок и Сорочка
милые, я была ранена - всего
в трех местах а именно в бедре
правой и левой ноги и в кисть
правой руки. Раненого меня
захватили немцы в плен. Но
там я пролежала один месяц, а
впоследствии оказалась в лагере.
Нас там в плену украинцы
меня вытаскивали из госпиталя
и дали арестуек как украинцу,
там, как из плена отпустили
только украинцев на имя Ми-
хаила Ивановича Перезавелова.
С тех пор на оккупированных
и оккупированных немцами и польскими
войсками е яtimi в рабстве.

там я пролежала до тех пор пока
не стала вылезать из плена. Нашей
красной армией армия освобо-
дилась 23го - 43го сентября в Киевской
области с того момента я
снова стала в рядах красной
армии елодыл меня обмен
функцией и я снова пойду в
бой. Немцы бить меня
Рахилка после всего пережитого
и виденного мне не страшно
выполнить любую задачу
которую поставят мне команди-
ры красной армии по
указаниям и отрядам фронта
на нашей земле. Здоровье мое
сейчас укрепилось. Ноги так
теперь ходить и даже могу бегать
а рука правая записки и письма
надеюсь снова побужу

24-го февраля 1942 года

Милая Рахилька, милые Маюська и Фирочка, здравствуйте!

С 4-го сентября 1941 года в оборонительных боях между городами Чернигов и Киев в районах Остер, Городок и Сорока, милые, я был ранен всего в трех местах, а именно в бедра правой и левой ноги и в кисть правой руки. Раненого меня захватили немцы в плен. В нем я пролежал один месяц, вследствие счастливого случая под видом украинца меня выпустили из госпиталя и дали пропуск как украинцу, так как из плена отпускали только украинцев, на имя Михаила Игнатьевича Березовского [...] В 12 километрах от гор. Житомира я заночевал в крестьянской хате. Хозяйка этой хаты заподозрила, что я еврей, и в 12 часов ночи вызвала старосту и полицию [...] В полицейском участке после десятков сильных плетей я вынужден был признаться, что я жид, и этим самым я откупился от дальнейших побоев. В тюрьме я пробыл целую неделю, спал я и другие такие же грешные, как я, на холодном цементном полу под нарами. Шинель у меня отобрали совсем, а ботинки и гимнастерку заменили на те, которые были совершенно не годны к носке. Когда нас собралось человек 10, нас буквально голых, без шинелей, 7-го ноября отвезли на машине в Житомирскую тюрьму, где там были уже собраны евреи: старики, старухи, женщины и дети и все подлежащие расстрелу. В последнюю ночь перед днем расстрела я не спал вовсе и все обдумывал насчет побега, который я удачно осуществил [...] Дойдя до [неразборчиво], я решил остановиться ночью у Жени Мисяковой, и когда я к ней пришел, она сильно была обеспокоена, так как в г. Гомеле

до моего прихода немцы расстреляли евреев свыше 1000 человек на Советской площади (публично) и после этого объявили, что если кто найдет еще одного еврея, получит большую награду. Таким образом я имел возможность переночевать у ее матери, а рано утром я тронулся в путь по направлению [города] Орел, имея в виду пробраться через фронт к своим красным, но в районе Малоархангельска меня немцы задержали, погнав назад в тыл, с тех пор я остановился в деревне Нижняя Гнилуша Александровской волости Малоархангельского р-на. Староста этой деревни, Кузьма Ямин, приютил меня и приписал к своей местности [...] Так я прожил до тех пор, пока неожиданным ударом нашей Красной Армии освободили 23.6.43 местность Курской области. С этого момента я снова стал в рядах Красной Армии, и сегодня меня обмундируют, и я снова пойду в бой немца бить.

Милая Рахилька, после всего пережитого и виденного мне не страшно выполнить любую задачу, которую поставит наше командование Красной Армии по уничтожению остатков фашистов на нашей земле. Здоровье мое сейчас улучшилось, ноги пока меня носят, я даже могу бегать, а рука правая зажила хорошо. Одним словом, я еще повоюю.

Маюська, наверное, перешла во второй класс, а Фирочка наша стала, наверное, большая, ведь ей стало 6-й год, одним словом, если я только жив останусь, то скоро увидимся. Целую всех вас, привет семье [неразборчиво]. А адреса точного у меня нет, в скором времени я тебе сообщу.

Михаил Игнатович Березовский

Моисей (Михаил) Березовский родился в Гомеле, в Белоруссии. После нападения Германии на Советский Союз Моисей был мобилизован в Красную Армию. В Гомеле оставались его жена Рахель с двумя дочерьми, семилетней Майей и четырехлетней Эсфирью. Рахель и девочки успели выехать из горящего от бомбежек города и добрались до Самары. Там и застало их письмо Моисея. 8 марта 1943 года Моисей Березовский был убит в бою под Курском.

Здоровые дети получили с адресом
а пивой откровенности получили
мне с Зориком приехали в саганово
18 мая очень хорошо малыши и дедушка
остались а я и Зорик поехали воровать
теперь про нас мы все здоровый
и все хорошо сейчас знаю Зорик
уже поправился ~~уже~~ поправился и
помогает ему еще все же сам
в одежде ушки с Коштаниса, а,
у нас все дешево стекла хорошие
Ушки Корзины и Зорик их не уносят
Куршаст ~~вовсе~~ словом а очень
добродушна это я его забрала разница
мне ду воздухом с одеждой очень
большая мы сами не веримен
как а он знает малыши возле
позволяет и погертны. теперь я
после поехала в одессе пивыноч
форму 150 р так это аму будет
на жизнь

через 2.3. дня пошло тебе Костюм
и адрес Саган, да это было с
пропуском же он, пивыноч мне все
нака пишу пивыноч а Зорик пере
мешет вам если елка добывает
имена поваршай словом
удам он все пивыноч сайчас
не отидуте мы удем пивыноч
Земли вас милая Зорик
и папа с бабушка малыши

а Зорик

ДОРОГИЕ ПАПЧКА
И МАМОЧКА: СЕГОДНЯ
ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ ИДЕТ
ДОЖАЬ. Я ИГРАЮСЬ
ВИТЕЙ И С ГРИШКОЙ
ЦЕЛУЮ ВАС
ОЧЕНЬ КРЕПКО
ВАШ
ЗАНК.

23 мая 1941

Дорогие дети! Получили с Одессы 2 твои открытки. Мы с Эдиком приехали в Сатанов 18 мая. Очень хорошо. Малка и Лейбуш остались, а я и Эдик успели ворваться. Теперь про нас. Мы все здоровы и все хорошо сделали, [...] Эдик уже поправился, порозовел, потолстел. Ему здесь веселее, чем в Одессе [...] Спекла хорошие булки, коржики, и Эдик их не жалеет, кушает вовсю. Словом, я очень довольна, что я его забрала. Разница между воздухом с Одессой очень большая. Мы сами не верим, как он, этот мальчик, порозовел и почернел [...] Эдик тоже пишет вам, складывает имена товарищей. Словом, ждем от вас писем сейчас [...] Целуем вас, мама, Эдик и папа, бабушка Малка.

.....

Дорогие папочка и мамочка. Сегодня целый день идет дождь. Я играюсь с Витей и с Гришкой. Целую вас очень крепко. Ваш Эдик.

Письма, отправленные в мае 1941 года Кларе Миттельман и Лейзеру Тонконогому их семилетним сыном Эдиком Тонкогим и его бабушкой Ривкой Миттельман из Сатанова, Украина.

Родители Эдика были художниками гастролирующего театра. Их постоянный дом был в Одессе. Весной 1941 года они оставили маленького Эдика с родителями Клары в Сатанове, и отправились с театром на гастроли. Вернуться за Эдиком они уже не смогли. Во время войны Лейзер служил в Красной Армии. Клара была эвакуирована в Ташкент.

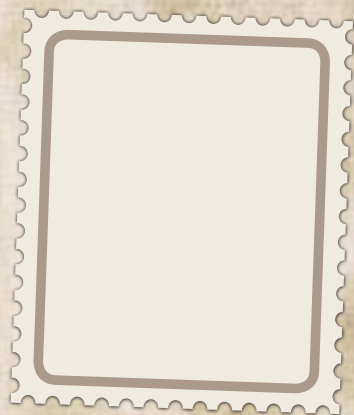
После освобождения Сатанова они получили письмо, отправленное в апреле 1944 года и содержавшее известие о том, что их родственники были убиты.

15 августа 1941 года

Здравствуй, дорогое дитя Вова!

Я получил твое письмо с дороги из Чернигова, а сейчас из Свердловска <и>, даю тебе ответ. Дорогое дитя, твои письма разрывают мое сердце моим отъездом (словами о моем отъезде) из Калинкович(ей). Мне очень ехать трудно, эшелонов нету из Калинкович(ей). Некоторые едут подводами. Я просился в Катарглях на подводу, но никто со мной водиться не хочет. Но все-таки, если удастся, я уеду. Но пока, до настоящего дня в Калинковичах и Мозыре трудностей не видали, все в целости, только немного бомбили на станции Калинковичи, прошел вражеский самолет, но пока вреда не делал. Но все-таки очень страшно, но понемногу привыкли. [...] По нашей улице все уехали, только остались сапожник Бинемин с Родой, мать Нахима с ними [...] Даже наши все обманули. Мне Арон, все время я его спрашивал, что будет, он мне отвечал: «Я не могу ехать никуда». А потом уехали, я и не знал. А также Мардкович отвечал мне: «Не отпускаю». И еще у меня взял 150 (рублей), и остались у него. Но все-таки, дорогое дитя, не тужи обо мне, ежели судьба моя, что мне надо жить, то я буду жить, где буду, а ежели нет, ничего не поделаешь. [...] Шмуэль-Хаим из центра [...] мне прислали письма, и они очень жалеют, что они уехали, и я читал много писем, что они страдают голодом и холодом. Будь здоров, дорогое дитя. Целую тебя несчетно. Твой папа, который желает тебе всего доброго,
Б. Шендерович

Письмо Б. Шендеровича сыну.
Отъезд Б. Шендеровича осложнялся тем, что у него была ампутирована нога. В 1939 году в Калинковичах проживало 3 386 евреев или 35% от общего населения. Город был оккупирован 21 августа 1941 года. 22 сентября 1941 года около 700 евреев, оставшихся в Калинковичах, были расстреляны. Отец Владимира Шендеровича был убит местным полицейским, с которым Владимир до войны учился в школе. Владимир служил фельдшером в Красной Армии. После демобилизации приехал в Калинковичи, где узнал от соседей о гибели евреев местечка.

18 августа 1941 года

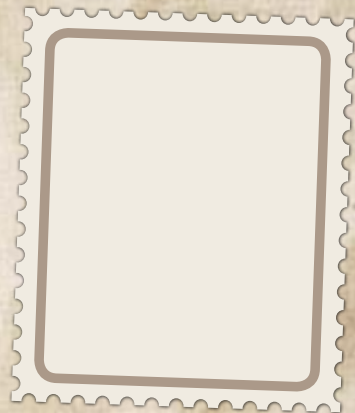
Мы еще живы и здоровы. Безумно и мне уже хочется уехать. Выхало из города процентов шестьдесят. Мы здесь одни, но куда, к кому и с чем ехать? От Саши ничего нет. Ципы уже не было несколько дней. Если бы она не пошла в армию, так я бы с ней поехала в Хабаровск, и, может быть, мы еще когда-нибудь встретились, а так нет надежды.

Отомстите после нас нашим соседям.

В городе много хулиганья. Я так много пережила погромов, но больше уже не смогу пережить.

Желаю победы сыночкам нашим дорогим.

Как хочется, чтобы дожить до победы.

Почтовая открытка была отправлена Либой Чесниной К. Г. Рубинштейну в Ленинград.

Либа Чеснина, скорее всего, погибла в Бабьем Яру 29 или 30 сентября 1941 года.

Излить наболевшую душу. Письма евреев СССР 1941–1945. Сост.: Аркадий Зельцер. Иерусалим, Яд Вашем, 2019, с. 41

Дорогая Наденька!
За все спасибо, за все, что Вы
сделали для нас в последние,
самые тяжелые дни нашей жизни.
Не плачьте о нас. Смерть самый
лучший, единственный исход
для нас.

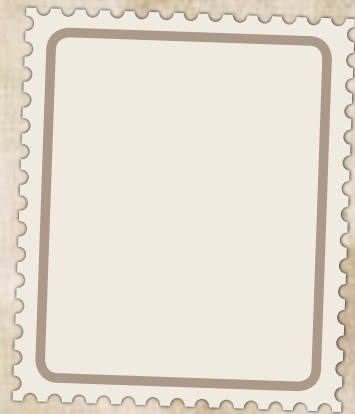
Будьте здоровы, дорогая моя
Наденька. Если Господь Бог есть
на небе, пусть он благословит
Вас, Ваших сестер и близких,
пусть даст Вам дожить до лучших
дней. Если увидите моих и Фани
Григорьевны детей, расскажите
им о наших последних минутах.

Любящая Вас,
Софья Ратнер
8 сентября 1941 года
Передайте моим детям мое
письмо, адресованное им.
Живы ли они только?

На конверте: Прошу Вас,
дорогая Наденька, это письмо
передать моим детям при первой
возможности.

Дорогие детки Марусинька, Аточка,
Витенька, Ниночка, прощайте. Умираю.
Что мы тут переживаем в гетто,
не поддается описанию. Лучше умереть.
Надя единственный человек, который
с наступлением катастрофы и до конца
заботилась о нас, не оставляла нас
с большим риском для себя. Она чистый,
кристально чистый человек. И сохранилась
такой, несмотря на жуткое окружение
грабежа, насилия, издевательства,
жестокости, подлости, предательства.
Не забудьте этого никогда! Сделайте
все для нее, что можете, если она будет
нуждаться в чем-нибудь.

Она для нас самый, единственно близкий,
единственно родной человек нам.
Дорогие, любимые, бесконечно любимые.
Прощайте. Живы ли вы все, и этого
не знаю. Ничего мы не знаем, что кругом
делается, отрезаны от всего мира.
Мы здесь с тетей Фаней, плюс, конечно,
все оставшееся в Витебске еврейство.
Прощайте же еще раз, дорогие.
Как тяжело расставаться с вами навсегда.
Бесконечно любящая вас мама
6 сентября 1941 года
Мы еще живы. Наше гетто обводят
проволокой. Мы обречены на голодную
смерть.

Письмо Софьи Ратнер
из Витебского гетто, переданное
Надежде Шидловской, белоруске,
жившей в семье Софьи Ратнер
как домработница и няня детей.
Узников витебского гетто, которые
не умерли от голода, немцы
расстреляли 8–10 октября 1941
года в Туловском (Иловском)
овраге.

Дорогие мои детки Яшка и Митенька!

Пишу вам, дорогие детки, может быть, в последний раз. Слов нет для выражения того желания, с каким рвением хочется жить, но, вероятно, не придется.

Хотелось бы хоть видеть вас, мои золотые! Не плачьте, не падайте духом, если вы оба вернетесь, не оставляйте друг друга.

Если кто из родных вернется, держитесь их, ведите себя, как и до сих пор, мои милые ненаглядные крошки.

Простите нас, коль мы провинились перед вами когда.

Одним мы виноваты, что пешком не пошли к вам, но кто мог ожидать такое.

Целую вас крепко, мои золотые. Ваша мама Т. Гончар
15/4/1942

Маленькая бабушка с нами, она целует вас и просит вас не плакать о нас. Оставляем вам на память 10 фотографий, все, что у нас осталось. Спрашивайте у соседей, и вы найдете еще записки от нас.

Дорогие дети Яша и Митя!

Оставляю вам записку, может, и последнюю. Завтра мы выходим на стадион, если нас оставят, тогда еще напишу. Пока, мои дорогие дети, с вами прощаюсь, будьте счастливы и здоровы, ведите себя прилично, вспоминайте нас. То, что мы переживали, вам, наверное, не придется больше пережить. Все за то, что мы евреи. Дорогие дети, растите, будьте хорошими, смотрите и ухаживайте один за другим, помогайте друг другу, не падайте духом, если вы оба живы, то уже будете жить, ведите себя прилично, я вас, дети мои, делаю ответственными друг за друга. Если вы найдете кого-нибудь из наших родных, держитесь при них.

Будьте здоровы и счастливы. Ваш папа Арон Гончар
Целую вас крепко.
Винница, ул. Заводская, д. 21

16 апреля 1942 года немецкие власти приказали винницким евреям, оставшимся в живых после первого массового расстрела в сентябре 1941-го, собраться на местном стадионе. После селекции около тысячи евреев были признаны годными для работы. Остальные были вывезены в Пятничный лес и расстреляны.

Излить наболевшую душу. Письма евреев СССР 1941–1945.
Сост.: Аркадий Зельцер. Иерусалим, Яд Вашем, 2019, с. 44-45

Мой дорогой братик!
 Вот так нелепо все случилось, и мы остались
 в Прилуках, в плену у немцев.
 Братик, ты не представляешь, что это были за
 месяцы... голод, холод, издевательства, грабеж.
 О, сколько раз я мечтала лучше о смерти,
 чем о такой жизни, жалела, что не погибла
 от бомбы, пули, но у меня была надежда,
 я надеялась увидеть тебя хоть за минуту
 до смерти, но мне не суждено. Юзик, я знаю,
 что завтра погибну, но я тверда [...]
 Я уверена, что ты отомстишь за [...] смерть твоей
 сестры... Отомсти врагам за Толю, Мару и тысячи
 [неразборчиво, возможно: других]...
 Приветствую твоих друзей, моих родных братьев
 и сестер, которые, надеюсь, отомстят за нас.
 Целую,
 Элеонора

Элеонора Пармут (1927–1942) жила в городе Прилуки, Украина. В 1939 году в Прилуках проживало 6140 евреев, составлявших 16,6% от всего населения. Город был захвачен немцами 18 сентября 1941 года. В начале 1942-го в нем было создано гетто.

В 1965 году украинская семья, проживавшая после войны в доме, в котором ранее жила Элеонора Пармут, делала ремонт. Под половицей было найдено прощальное письмо Элеоноры, которое она накануне массовой акции по уничтожению евреев в мае 1942 года написала своему старшему брату Иосифу Пармуту, находившемуся в Красной Армии. Найденное письмо эта семья переслала в Баку, куда Иосиф переехал после войны.

>>

В октябре 1942 года они начали расстреливать евреев ежедневно — в домах, на чердаках, в подвалах — везде, где могли их найти.

Такая акция продолжалась по два–три дня, и 800–1000 людей было убито, 1 200 человек поймали и увезли. [...]

Мы жили в доме фермера за городом, и во время нескольких акций нам удалось выжить, прячась в лесу день–два. В феврале этого года все евреи должны были уйти из правой части города, им было разрешено жить только в левой части. [...]

Мы сделали схрон, там и схватили вашу дорогую и любимую мать. Ее расстреляли в коридоре вместе с Балиными 13 апреля 1943 года.

Она покоится на еврейском кладбище; я похоронил ее там одну, чтобы она могла обрести вечный покой. Тогда же схватили и любимую Фанцию, вашу дорогую сестру, в том же месте, и расстреляли ее на Федоре вместе с сотнями других, и бросили в братскую могилу.

К несчастью, это я отправил их в схрон, а сам прятался в комнате, и я слышал их голоса, когда их обнаружили. Мне суждено было прожить в агонии страданий еще шесть месяцев.

Четыре месяца назад Бучач стал JUDENREIN, очищен от евреев, после того, как все оставшиеся люди были отправлены маршем в Толстое, и на следующий день их там расстреляли. [...]

Я был в лесу, бандиты меня ограбили и ударили ножом. Сейчас у меня из одежды только одна рубашка, и ни гроша в кармане.

Я собираюсь донести [на себя самого – прим.] и покончить с жизнью.

Мои драгоценные, мои дорогие дети, пожалуйста, будьте здоровы. Целую вас много раз.

Ваш отец, Леон!

Я не мылся, не брился и не стригся уже полгода, уже четыре недели я ношу ту же самую завшивленную одежду. Жена крестьянина отказывается скрывать меня без оплаты.

Наши дома были [неразборчиво]

Израиль-Лейб Розен

Мои дорогие и любимые дети!

Пишу вам последнее в моей жизни письмо. После трех месяцев, проведенных лежа в гусином сарае с тремя гусями (здесь невозможно встать в полный рост), я донесу сам на себя в гестапо и попрошу расстрелять меня, потому что, на мое несчастье, я больше не могу вынести таких условий. До сих пор я боролся в надежде выжить и снова увидеть вас, но мои силы угасают, и я не могу продолжать.

Я опишу вам немного нашу жизнь. Вскоре после прихода Советов нас выгнали из наших домов. Мы вынуждены были жить в чужих домах; они также отобрали у нас наш бизнес, но не причинили нам больше никакого вреда.

Те опасные враги пришли и начали отбирать нашу мебель, одежду, ковры и так далее. Позже они забрали и нашу жизнь. Сайни повезло больше всех, ему не пришлось долго страдать. В августе 1941 года его привезли на Федор и расстреляли вместе с другими 400 людьми. Позже они таким же образом избавились от сотен евреев, одновременно во многих местах.

В период между осенью 1942-го и летом 1943 года часть евреев Бучача были расстреляны в ходе нескольких акций, часть были депортированы в лагерь уничтожения Белжец. Цви Розен получил это письмо по почте в 1947 году. Оно было послано анонимным отправителем из города Познань, Польша.

Люди! Нас травили, как зверей. Семь дней мы прятались на чердаке без воды в ужасной жаре, а потом нас забросали ручными гранатами и подожгли дом со всех сторон. Нам удалось спуститься в погреб, а над нами горел наш дом. В нем погибло немало человеческих душ, невинных, чья вина одна: не понравились они по расовому происхождению зверю в сатанинском образе, главе фельдфебельской прусской реакции.

Товарищи, отомстите за нас. Нас было здесь в Каунасе больше 50 тыс. человек. Мы теперь из последних и ждем обхода палачей, когда нас прикончат. Это будет сегодня.

Люди, уничтожьте все зверье до корней. Да не будет им милосердия, как не знали они человеческих чувств.

Отплатите им по справедливости. Ведите счет душ, погубленных ими и по их вине, и отплатите им сторицей, — тогда человечество в будущем освободится от гадин, недостойных человеческого звания.

Товарищи, кровавая месть — священная цель вашей жизни.

Один из погубленных евреев,

Гирш Зедак

Письмо Гирша Зедака было написано на странице книги Михаила Лермонтова. Когда его брат Моше Зедак вошел с 16-й Литовской дивизией в Каунас, оставшиеся в живых евреи рассказали ему, что Гирш спрятал письмо в углу подвала, где прятались он и другие евреи. Гиршу Зедаку было 37 лет. Он погиб в июле 1944 года.

Письмо было оформлено в качестве статьи «Письмо, адресованное всем нам» Овидия Савича (1896–1967), писателя, переводчика и друга Эренбурга, и отправлено Еврейским антифашистским комитетом в различные еврейские газеты, в том числе в «Аль Гамишмар» в Тель-Авиве.

Здесь убиты 300 человек 22 сентября 1941 из Коростеня Житомирской области: Шерман Элик, Глозман Мойше, Герцбейн Фишель, Пильч Михель, Герман Давид.

Я умер, прислонив жену.
Нодельман, с. Михалки Наровлянского района,
Полесской области, Белоруссия.
Сентябрь, 1941.

Харьков, Клочковская, 39/5, Амстиславской
Сообщаю, что я расстрелян 22 сентября 1941 г.
Петя.

Здесь меня убили. Прошу сообщить по адресу:
Славута, Каменец-Подольской обл.,
Артиллерийская, 44.
Галиной от Мити.

В сентябре 1941 г. на ж/д станции гор. Золотоноши находились эшелоны с ранеными солдатами и беженцами. Находившихся среди них евреев немцы отделили и собрали в овощехранилище (т. н. «бурякопункт»). 22 сентября 1941-го около 300 евреев были расстреляны.

В сообщении Полтавской областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в числе прочих фактов говорится о надписях, обнаруженных на стенах «бурякопункта» в Золотоноше.

Станескина Palestine

Куда

г-р Брусалев - р. 8. 8. 17

Монтмфиорки - 12. 10. 11. 17

Кому
Виржини Левина
дом Левина
118 № 2

МАРТУЧКА
POSTALE

ОТПРАВЛЯЙТЕ СВОЮ КОРРЕСПОНДЕНЦИЮ С УВЕДОМЛЕНИЕМ О БРУЧЕНИИ

Адрес
отправителя
Adresse
de l'expéditeur

СССР - г-р. Мига Зорженковой об.
Мовинович Хада - ул. Куртибурд.

Дорогая Асенька!

Мига 14. II - 45г.

Письмен Тере Мовинович Хада. Только ты
получила ей письмо, но я большому сожалению,
дорогая моя, ничего хорошего сообщить тебе не
могу. С Евреев лугских осталось только
то-то не больше... в месяц с друзьями пойдём
все с твоей семьей. Отец и Мухомка сразу
нах только поезде заехали Мигу - Мама
и твоя мама 1942г. в день большого концерта.
Твоя Евреев в Миге Мелушки из Бергаини.
Трагедия, которую еврейская Мелушки...
Асенька, сообщу тебе сейчас /Tel Aviv 25. 10. 1942 г./
то, мама, Давид и Двэй твоя останис в Асенька.
Все Залману Вороховскому, твое с его семье много
не скажу.

Хада

Лида, 14.2.45

Дорогая Женечка!

Пишет Тебе Мовшович Хана. Только что получила открытку, но, к большому сожалению, дорогая моя, ничего хорошего сообщить тебе не могу.

С евреев Лидских осталось человек 70–80, не больше... вместе с другими погибли все с твоей семьи. Отец и Мулинка сразу, как только людоеды заняли Лиду – мама и тетя 8 мая 1942 г. в день большого истребления евреев в Лиде немецкими извергами. Трагедия, всеобщая еврейская, неслышанная...

Женечка! Сообщи моей сестре /Tel-Aviv ул. Борухов 25, Лиля Гелерштейн/, что мама, Эльчик и Овсей только остались живы. [Также] Залману Вороновскому, что с его семьи никто не остался.

Хана

Письмо, написанное Ханой Мовшович подруге Жене Мулер в Эрец Исраэль в 1945 году с сообщением о гибели семьи Жени и о трагедии евреев Лиды. У Давида и его жены Ходес (Хедвиг) Мулеров было двое детей — Женя (Шейна) и Шмуэль-Яков. Давид работал фотографом. Женя и Шмуэль учились в школе Тарбут, где преподавание велось на иврите. Оба были активными членами сионистского молодежного движения и хотели репатриироваться в Эрец Исраэль. В октябре 1938 года Жене удалось исполнить свою мечту. Остальные Мулеры остались в Лиде. В июне 1941-го немецкие войска вошли в Лиду. Началась ликвидация евреев. Давид Мулер и его 14-летний сын Шмуэль были арестованы и расстреляны одними из первых. Ходес была расстреляна 8 мая 1942 года.

Июль. 26. III 1941.

Дорогая Мелни и Угрома!

Ваме нужно с 22/7 на
попытки. Мы гобарьши
что бы пережидание на
новое кларнур. Сейчас
много спеша и понону
собрания наивам бан
субпримлы. У нас меньше
вечерние ванькуры. Я уже
хорошо из меня при амменты
но пераприн, умеранур и
ременткану; и гла поперемб:
уже по физике и зорам
смазные хораме амменты.
Я поппалудно Меню с грел:
поперемб Комарый примм-
наемал. Изл минн мне
что нарем нарок примм
мате мин нем с Тогоме
згоробот! Бога Сивини

Прогрессивен!

Лида. 26.3.1941

Дорогая Женя и Израиль!

Ваше письмо с 22.1 мы получили. Мы довольны, что вы переезжаете на новую квартиру. Сейчас имею время и потому собрался написать вам открытку. У нас теперь весенние каникулы.

Я учусь хорошо, у меня три отличные [оценки] по географии, литературе и немецкому и две посредственные по физике и зоологии, остальные хорошие отметки.

Я поздравляю Женю с днем рождения, который приближается.

Изя, пиши мне насчет марок: присылать тебе или нет?

Будьте здоровы!

Ваш Самуил

Письмо Шмуэля Мулера сестре Жене в Эрец Исраэль.

У Давида и его жены Ходес (Хедвиг) Мулеров было двое детей — Женя (Шейна) и Шмуэль-Яков (Самуил). Давид работал фотографом. Женя и Шмуэль учились в школе Тарбут, где преподавание велось на иврите. Оба были активными членами сионистского молодежного движения и хотели репатриироваться в Эрец Исраэль.

В октябре 1938 года Жене удалось исполнить свою мечту. Остальные Мулеры остались в Лиде. В июне 1941-го немецкие войска вошли в Лиду. Началась ликвидация евреев. Давид Мулер и его 14-летний сын Шмуэль были арестованы и расстреляны одними из первых. Ходес была расстреляна 8 мая 1942 года.

На случай, если вы не найдете мою первую записку, пишу еще одну. Перечисляю станции: [неразборчиво], Клобуцк, Вренчица (время – 5 часов утра). Херби-Нове, Сталхаммер, Тарновиц (7:30). Стоим до 8:30. Радзенкув, Пекары, Биркенхайм, Грос-Домбрувка, Крулевска-Хута (9:30). Поездка отличная, мы продолжаем петь наши песни. [...] Поездка хорошая. Аушвиц 10:30.

Время – 12:00, огромные бараки. Мы не знаем, что это за место. Мужчины отдельно, женщины отдельно.

Есть и дети.

И старики. Выглядят они хорошо.

НИЛИ («А Сильный Исраэйля не солжет» Шемуэйл I ,15-29), будьте сильны и смелы.

Рахель

Рахель Биам (1924 – 1944) родилась в местечке Ждунска Воля в 50 км от Лодзи. Летом 1942 года была депортирована в Лодзинское гетто вместе с братом и сестрой. Во время пребывания в гетто Рахель вступила в ряды молодежной сионистской организации «Фронт поколения детей пустыни». В августе 1944-го, когда нацисты начали ликвидацию гетто, Рахель добровольно вызвалась сесть в первый же уходящий транспорт с депортируемыми, чтобы зафиксировать маршрут поезда, и таким образом оповестить соратников, оставшихся в гетто, о пункте назначения. Письмо с указанием станций по ходу движения было найдено в вагоне поезда, который вернулся в Лодзь пустым. Рахель была убита в Аушвице.

Дорогой мой Авраам!

Прости меня, что вот так по-идиотски я всем распорядилась, совсем не оставив никаких денег. Я передам тебе [неразборчиво], но через кого-нибудь.

Дорогие Авра[ам] и [Меир], не скорбите, не горюйте — так распорядилась судьба.

Мне предстоит отправиться вслед за самыми любимыми.

Я прошу тебя, береги моих любимых детей, проверь как там Дела — спит ли она все еще, и поцелуй ее от меня тысячи раз. Будь здоров и береги моих сироток.

Я отправляюсь на вечный покой.

Мама и супруга
Фрида

Передаю с Буксадри 200 злотых. Приходи к воротам, отдам тебе [неразборчиво].

Записка, написанная карандашом 16-17 марта 1943 года в Бориславе, на сборном пункте (в зале кинотеатра) перед отправкой порядка 600 евреев на смерть в рамках «шестой акции». Письмо передано Аврааму одним из еврейских полицейских, несших караул на сборном пункте.

11 июля 1944 года

Завещание!!!

Выходя из гетто, делая шаг между жизнью и смертью, я оставляю после себя несколько фотографий самых дорогих мне людей в надежде, что кто-нибудь найдет их, раскапывая землю в поисках, и что этот человек потрудится передать их кому-нибудь из моих близких или друзей в Америке или в Эрец Исраэль, если кто-нибудь из них останется в живых.

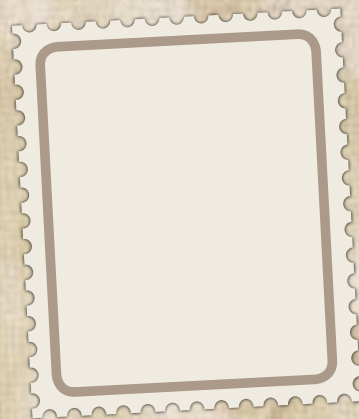
Меня зовут Фрида Ниселевич, уроженка Вайгувы.

Моему дорогому и почтенному отцу, Нахуму Цви Ниселевичу, сестре Шошане Штейн, ее мужу Михе-Йехуде Штейну и прочим родственникам в Келме, которые остались в живых; моей дорогой племяннице Эстерел Штейн Бежгер.

С любовью обнимаю моих дорогих, получивших это завещание; знайте, что я оставалась в живых до этого дня, единственная из всей семьи. О других мне ничего не известно. Мою дорогую маму я видела в последний раз в тюрьме, о братьях моих Симхе и Айзике Меире Ниселевиче мне известно, что до войны они были в Паневежисе.

Посылаю благословение моим братьям-евреям, которые выживут после этой инквизиции: да будет воля Небес, чтобы вы были верными сынами нашей святой Родины, Эрец Исраэль.

Фрида

Завещание найдено на территории бывшего Шяуляйского гетто в Литве. О Фриде нам не известно ничего, кроме написанного в письме. В литовском городе Шауляй до оккупации проживало около 6600 евреев, что составляло примерно 20% от населения города. После немецкой оккупации все евреи были загнаны в гетто. Одна за другой проходили «акции». 15 июля 1944 года началась ликвидация гетто.

26.10.42

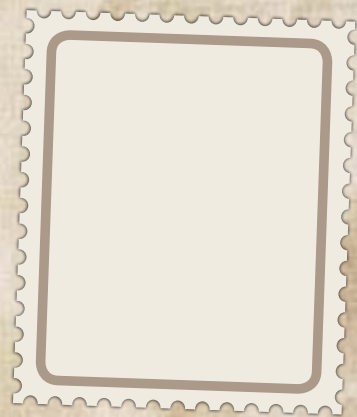
Дорогая моя и единственная мамочка! Как бы я хотела упасть перед тобой на колени и просить у тебя прощения за ужасную боль, которую я тебе причинила. Из всех моих прегрешений перед Всевышним это самое тяжкое, и я молюсь Ему каждый день, чтобы Он простил мне его. Ты всем пожертвовала ради меня, и я сделала все, что могла. Вчера я навсегда попрощалась с Рамосом. Думаю, мне не нужно говорить тебе больше ничего, потому что ты, несомненно, почувствуешь, что происходило в моем сердце в эти последние дни. Я обещала Рамосу сделать все возможное, чтобы подарить жизнь нашему ребенку, которого мы любим уже сейчас, до его рождения, и если родится мальчик, назвать его Арно Александр. Его надо крестить в русской церкви и дать ему имя Александр. Мамочка, я прошу, я умоляю тебя — будь сильной, и живи ради моего ребенка [...] Люби его так, как любила меня, и пусть он принесет тебе больше радости, чем принесла я.

Именем Всевышнего и христианского Иисуса, завещавшего вечную любовь и мир, прошу тебя простить меня и молиться за меня, как я молюсь каждый час за тебя. Моя вера в Бога и его вечную любовь сильна и прочна.

Я оставляю своего мальчика на милость Веры и госпожи Евгении, Инны и Сергея. Передай мои сердечные пожелания друзьям, и попроси их не забывать меня. Пожалуйста, пришли мне одну из твоих икон — может, это разрешат.

У меня твоя фотография на паспорт; ты знаешь — это когда ты в последний раз фотографировалась. Она приносит мне большое утешение и служит своего рода убежищем. И до сих пор я надеюсь, что мы еще увидимся. Я думаю о тебе, мечтаю о тебе, я люблю тебя до сумасшествия.

Мамочка, дорогая моя, я знаю, что ты меня любишь и прощаешь. Тысячу раз обнимаю и целую тебя, кошка-мама! Твоя навсегда, Ланушка.

Лана (Лиана) Беркович, дочь еврейского отца и русской матери, проживавшая в Берлине. В 1942 году Лана была арестована, вероятно, по обвинению в связях с подпольем. В тюрьме родилась ее дочь Ирена. Отец девочки, Фридрих Ваамер (Рамос) был арестован в то же самое время и казнен. Находясь в тюрьме, вплоть до дня казни, Лана писала письма матери. Письма сохранил отец Ланы.

>>

Понедельник, утро

Есть ли в мире кто-нибудь, кто понимает, что такое ужас смерти? Каждая минута ожидания, содрогание при малейшем шорохе?

Понедельник, вечер

День, полученный мной в подарок. Никому не понять биения сердца и напряжения нервов при звуке шагов в коридоре.

Вторник, 21 июля, утро

Я все еще здесь. Хватаюсь за лучик надежды. В полном одиночестве. Ко всем заключенным приходят посетители, ко мне никто не приходит. Написала Мари. [...]

Среда, 22 июля, вечер

Я все еще жива.

[...]

Вторник, 4 августа, утро.

Ну вот, все, похоже, подходит к концу. Вчера ко мне пришел командир из Забежува. Как я и думала, я сразу же «сломалась» и все ему сказала, кроме адреса инженера, а это было для него особенно важным! Сейчас я жду, но ясно, что после признания о моем происхождении я не могу надеяться ни на что хорошее. Но теперь мне уже все равно.

Воскресенье, 19 июля 1942 г.

Дорогая доченька!

Что я могу написать тебе в последние часы жизни, на последнем отрезке пути в мир истины! Я совершила по отношению к вам серьезные грехи, девочки мои, и они на моей совести. Мысль о вас сводит меня с ума, настолько, что я даже не стыжусь признать, что и сама не хочу умирать. Я хочу продолжать жить!

Я еще хочу испытать что-то в жизни, хочу увидеть тебя и Ладжию вновь, рядом с твоим супругом [...] Но чем поможет мне мое желание? Это трагическое стечение обстоятельств, и самое страшное в том, что совсем не трудно забрать меня отсюда, но никто не приходит, и я ни с кем не могу связаться.

[...] Поскольку и после моей смерти необходимо продолжать двигаться вперед, ибо в этом — главная обязанность и цель жизни, я хочу передать тебе и Ладжии ряд наставлений и практических советов [...]

Учись в Политехническом институте!

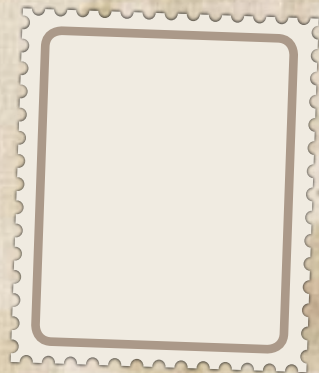
Твой опыт чертежницы поможет тебе, и ты сможешь быть независимой даже с самым преданным мужем.

После окончания учебы выходи замуж. Не сердись, что я пишу тебе об этом, когда Полди жив, и мы всеми силами души жаждем его возвращения. Но в будущем я не смогу больше помочь тебе советом, а ты знаешь, что мне присущ мудрый взгляд на людские дела.

[...] На ближайшее время, до окончания войны, я не могу тебе ничего посоветовать, так как жизнь не всегда идет согласно нашим планам. Если сможешь, работай.

[...] Здесь, у тюремщика, я оставляю тебе это письмо, мои часы, ручку и очки.

Ему дано указание передать это все после того, как я выйду отсюда. Тюремщику нужно будет заплатить как минимум пять злотых за каждый день моего пребывания здесь. И он, и его жена помогают мне и делают для меня больше, чем им позволено.

Прощальное письмо, написанное Густой Бергер-Эрлих под именем Марии Людвиги Эрлих. 19 июля 1942 г. Густа написала письмо дочерям из тюрьмы в Кшешовице. Письмо написано в форме дневника, описывающего 25 дней, проведенных Густой в ожидании смерти.

По всей видимости, Густа Бергер-Эрлих была казнена 4 августа 1942 года, после того как призналась, что она еврейка.

Архив Яд Вашем

Может быть, обреченный человек,
в последний момент своего существования,
взглянув широко раскрытыми
от ужаса глазами в бездну уничтожения,
постигает красоту жизни и силу творения.

Тойба (Тося) Альтман (1918–1943) выросла в польском городе Влоцлавке. Большое влияние на формирование ее личности оказали Еврейская гимназия и молодежная организация «Ха-шомер Ха-цаир». Она планировала переехать в Эрец Исраэль, но отложила отъезд, когда была избрана ответственной за молодежное образование в руководстве «Ха-шомер Ха-цаир» в Варшаве. Во время немецкой оккупации Тося была связной между Варшавским гетто и еврейскими группами сопротивления за его пределами. Она также играла важную роль в поставках контрабандного оружия и взрывчатки в гетто. После подавления восстания в Варшавском гетто Альтман удалось покинуть гетто в составе группы участников сопротивления. Тося получила тяжелые ожоги во время пожара на целлулоидном заводе, в помещении которого скрывалась. Она была схвачена нацистами и умерла от ран.